
СОЦИАЛЬНОЕ КАРТИРОВАНИЕ КАК МЕТОД АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

И. А. Скалабан

Статья посвящена описанию сущности и перспективам использования метода социального картирования. Внимание к методу обусловлено необходимостью поиска адекватных механизмов анализа пространственных аспектов социальных отношений, визуализации пространственной информации, необходимых для стимулирования общественного участия в социально-территориальном контексте и разработки социальной политики. В статье определяются сущность и виды картирования, особенности метода социального картирования. Автор выделяет и оценивает перспективы использования для изучения социально-территориального пространства социально-экономического, социально-антропологического, социально-сетевое и социально-проектного подхода к построению карт. Формулируется предложение о том, что современные методы социального картирования могут быть использованы не только для анализа социальных процессов в пространственном и информационном контекстах, но и для воздействия на них.

Ключевые слова: картирование, социальное картирование, социально-территориальное пространство

Сегодня, пожалуй, нет ни одной области научного знания, где не использовался бы метод картирования или картографирования. В данной статье оба термина используются как синонимы, хотя картографирование как понятие сформировалось в рамках категориального аппарата традиционной географии и картографии, и имплицитно содержит в себе основные требования к составлению карт данных наук. В свою очередь, термин «картирование» закрепился в русском языке в результате буквального перевода английского термина «mapping» – «создание карты». Этот термин не несет в себе каких-либо предписанных требований к отображению карты и широко используется в различных сферах науки и техники.

Первоначально картирование, или картографирование, подразумевало собой создание, составление, отображение физической карты. Сегодня в исследовательской литературе широко представлено биологическое, ландшафтно-морфологическое, геологическое картографирование, картирование природных явлений (катастроф), генетическое, физическое, социальное, культурное, когнитивное картирование, картирование технологий.

Выйдя за рамки классической картографии, в последние десятилетия тренд направлении развития языка карт становится все более востребованным в области сбора, обработки, хранения информации, одновременно приобретая все большее смысловое, методическое и стилевое разнообразие. Наблюдаемый процесс есть реакция на вызовы, связанные с усложнением качественных и количественных характеристик среды, расширением исследовательских задач, требующих максимально адекватного отображения ее состояний, в том числе в контексте социально-пространственных процессов и изменений. Все это делает поиск адекватных инструментов отображения и анализа среды процессом непрерывным и актуальным, особенно в контексте решения прикладных задач, в частности разработки и реализации социальной политики. Здесь запрос на объективное и субъективное отображение социально-пространственных процессов присутствует на этапах диагностики социальных проблем, оценки социально-экономического потенциала территории, проектирования, мониторинга и оценки программ и проектов, согласования интересов или вовлечения в активную преобразовательную деятельность субъектов, влияющих на ее развитие.

Но, в отличие от многих иных научных областей, где методы картирования являются широко распространенными и методически выверенными способами диагностики и анализа объектов исследования, в области социальных наук накопление разнообразных методик создания карт для решения исследовательских и прикладных задач не сопровождается пока попытками их систематизации и анализа. Это ограничивает понимание возможностей картирования и перспектив его применения.

Цель данной статьи – охарактеризовать социальное картирование как метод, выделить возможности его применения для исследования социально-территориального пространства, обобщив имеющиеся подходы. Прежде обратимся к понятию «картирование». Попробуем выделить его виды и систематизировать имеющиеся методы в контексте анализа социальных процессов и диагностики социальных проблем.

Картирование: междисциплинарный подход

Наряду с понятием «модель», понятие «картирование» является одним из наиболее многозначных. Если проанализировать существующие

в исследовательской литературе определения, то по широте интерпретации можно выделить несколько подходов к его пониманию. Первый, традиционный и наиболее узкий, используется в картографии, геологии, географии: это метод моделирования, графического, цифрового отображения геоинформационных, геопространственных сведений «с указанием его идентификатора, координатных и атрибутивных данных» [ГОСТ Р 52438–2005, 2006. С. 6]. Второй, более широкий, используется в науках, занятых пространственно-территориальными исследованиями: это метод моделирования, визуализации, графической репрезентации любой пространственно-локализованной информации в соответствии с задаваемыми параметрами с целью познания изображенных явлений [Евтеев, 1999; Володченко, 2009; Vajjhala, 2005; Sutcliffe, 2008]. Третий, наиболее широкий: это метод графического, семантического, знакового описания, систематизации любого материального и абстрактного объекта, позволяющий через сопоставление ряда элементов последовательно описывать, группировать и обобщать исходные данные для построения моделей объектов [Линч, 1982; Trochim, Kane, 2005; Mapping... 2006].

Картирование, как вид моделирования, основанного на принципе подобия, может выступать как частный метод познания в геонауках, так и общенаучный метод, используемый в различных сферах научной и технической деятельности даже вне пространственно-территориального контекста. Поэтому его объектом может стать любая абстрактная или реальная сущность, явление в их статическом или динамическом отображении.

Карта как любая модель всегда является упрощенной и идеальной. По мнению Мориса Миттелмарка и его коллег, ее преимущества лежат в метафоричности, а сам процесс картирования представляет собой собственно рисунок образов, представляющих мир вокруг нас. Это позволяет обеспечить легкость понимания конструируемых явлений [Mapping... 2006. Р. 91]. Достоверность полученных данных во многом зависит от того, насколько полученный образ или модель непротиворечив наблюдаемым фактам. Еще в 1920-е годы XX века Альфред Коржибкий отмечал: «Карта – это не территория, но если она верна, она структурно подобна территории, и в этом ее польза» [Korzybski, 1948. Р. 58]. И хотя основоположник общей семантики адресовал это скорее проблеме несоответствия языковых обобщений реальности структурному сходству с самой реальностью, данное утверждение с полным правом можно отнести и к картированию как методу визуального отображения любых реальных или абстрактных явлений в принятой системе условных знаков.

Важно понимать, что процесс картирования – это не только процедура отображения карты, но и все что с этим связано: понимание потребностей пользователя карты, ее топографии, закладываемых смысловых

значений, форм и границ, планирование работ, сбор информации и достижение соглашений. Значимость этих действий при работе над картой сегодня многократно возрастает, поскольку, в отличие от классического картирования, современные карты в подавляющем большинстве производятся не для профессионалов-картографов, а для тех, чьи интересы сильно влияют на то, что картируется и как, определяются потребностями ее пользователей [Mapping... 2006. P. 91]. Поэтому существенное влияние на характер картирования сегодня оказывает появление новых субъектов и потребителей картирования, развитие информационно-коммуникационных систем. Это обусловило и появление новых междисциплинарных направлений, к примеру, неогеографии, гуманистической, гуманитарной географии, основанных на методологии, анализирующей пространство с позиций субъективно-объектных отношений, «чувства места», стремящейся «к интуитивности, выразительности, индивидуальности, абсурдности, и / или художественности» [Eisnor, 2006].

Широта использования метода и многообразие подходов к созданию карт определяет сегодня и многообразие используемых картографических моделей. Попробуем их систематизировать, взяв за основу сам объект, характер того информационного массива, с которым исследователю предстоит работать, а также вид репрезентации информации.

Пространственно-графическое картирование: отображение реально существующего объекта в пространственно определенной системе вне зависимости от его масштабов и качественных характеристик. Это все виды пространственно-территориального картирования, осуществляемого на выбранной картографической или топографической основе. Например, это ландшафтное, геологическое, поведенческое картирование, социально-экономическое и большинство видов социального картирования.

Аналоговое картирование: последовательное графическое, знаковое, воспроизведение и описание изучаемых элементов структуры, заданных свойств конкретного объекта – физического тела, процесса или явления, через выделение групп элементов, порядка их последовательностей (молекулярное картирование, топографическое картирование биоэлектрической активности мозга, технологическое картирование). В социальных исследованиях прикладного характера данная группа карт представлена технологическими (маршрутными) картами, описывающими пошаговую реализацию конкретной социальной услуги или социальной технологии.

Информационно-графическое картирование: систематизация информационных массивов, интеллектуальных продуктов, определение причинно-следственных связей и, на основе графических (преимущественно), числовых, текстовых репрезентаций, прогнозирование изменений для получения новой информации (когнитивное картирование, картирование

концепций, причинное картирование). Необходимо «как инструмент повышения творческих возможностей индивида, для анализа проблем или улучшения организации мышления, или как «визуальная альтернатива описанию» [Trochim, Kane, 2005. P. 187]. В прикладных социальных исследованиях карты данной группы используются для понимания индивидуальных и коллективных образов исследуемых, для системного описания объекта, выявления проблем, причин и прогноза развития какой либо социальной ситуации. Примером использования информационно-графического картирования в социальной политике может быть совещательное картирование – метод последовательной фиксации различий в позициях в процессе консультаций экспертов и граждан, для понимания социального контекста внедряемых инноваций и прогнозирования возможных социальных проблем [Deliberative... 2003].

Многообразие видов карт не отменяет то общее, что присутствует во всех видах картирования, а именно: упорядочение, учет и систематизация объектов, отобранных по какому-то принципу на основе концептов или эмпирических данных; объективизация наблюдения за исследуемым объектом; учет факторов, влияющих на изучаемый объект или предмет, а также, в большинстве случаев, визуализация, графическая репрезентация изучаемого объекта или предмета. Несмотря на присущую методу условность и упрощенность отображения, ему свойственна пластичность, читаемость. Картирование может использоваться как метод диагностики, анализа, классификации, моделирования исследуемых объектов и информации с целью познания, прогнозирования процессов, создания нового продукта, коммуникации.

Сегодня картирование продолжает развиваться. Значительный толчок к этому дали современные компьютерные технологии. Выступив в роли аниматоров, они «оживили» карты, сделав их пространство мобильным, интерактивным и широко доступным, увеличивая их информационную нагрузку. Используя новые возможности картирования, можно вести речь не только об определенной реконструкции пространства, но и о влиянии карты на динамические процессы через их осмысление и стимулирование.

Современные подходы к социальному картированию социально-территориального пространства

Мир социальных отношений все более распадается на геосоциальные образы различного характера и масштаба, происходит интенсивное «опространствление» мира [Нанси, 1999. С. 68; Замятин, 2001. С. 128]. Процесс идет в нескольких направлениях: угол зрения при построении карт ставится все более центрированными на человеке, используется выразительный гуманистический язык, а деятельность по созданию карт все

чаще выходит за пределы не только деятельности картографов – профессионалов, но и профессиональной практики в целом. Лавинообразно растет в сетях интерес и технологическое обеспечение возможности «обмена информацией о местоположении друзей и посетителей, помогая связям и пониманию через знание места» [McConchie, 2008. Р. 25–26]. Будучи социально сконструированы, карты все очевидней отражают и транслируют мировоззрение их создателей. В этих условиях неизбежен рост запроса на социальное картирование, как неизбежна дифференциация используемых методов.

Изображать на картах человека, его образ жизни и занятия – старинная картографическая традиция. Собственно социальные карты появились только в конце XIX века, в рамках зарождающейся урбанистики. Один из первых исследователей, использовавших метод картирования для отображения социальных проблем и социальной информации в пространственном контексте, был социальный топограф Чарльз Бут, составивший в 1889 году в Лондоне «карты бедности» (134 зоны бедности по 30 000 тыс. жителей в каждой) [Charles Booth... 2002]. В 1895 году Джейн Адамс и ее коллеги в книге «Документы и карты Халл-Хауса» опубликовали в Чикаго карты жилищных условий в кварталах бедных мигрантов одного из городских районов. Ориентируясь на «цель и дух» работы предшественника [Addams, 1895. Р. 12], она выделила 75 естественных зон и более трех тысяч локальных сообществ методами наблюдения, пешего обхода районов, интервью, анализа местной статистики. В начале 1920-х годов метод картирования активно применялся Р. Парком и Э. Берджесом, которые «использовали категории социального пространства, границ и дистанции, ареала и зон» [Ярская-Смирнова, Романов, 2009. С. 8].

Первые социальные карты были частью широкого комплекса статистических и аналитических данных по изучаемым проблемам, обработки и систематизации эмпирического материала и использовались, скорее, как метод визуализации части собранной информации, как «фотографическая репродукция» [Addams, 1895. Р. 13].

Но, несмотря на заложенные традиции, до 1970-х годов социальные данные использовались главным образом в географических информационных системах. По мнению Алистара Сатклифа, они были востребованы в основном при ответах на следующие вопросы: местоположение – нахождение индивида, группы или отношений; близость – пространственное положение индивидов, групп с точки зрения доступности; расстояние – оценка близости с точки зрения расстояния; смежность (соседство) отдельных лиц или групп в пространстве и территории; путь (направление) – пространственные пути, сети, связывающие физические лица, группы; пространственные тенденции: анализ действия индивидов, групп с учетом степени уклона их территории; неравномер-

ность: анализ отдельных лиц, групп с учетом неравномерного распределения, скопления на территории [Sutcliffe, 2008. P. 231]. Социальные и социально-экономические данные были особенно востребованы в экономической географии. Подготовленные карты носили отраслевой, секторальный или, реже, комплексный характер.

В последние десятилетия сложившаяся тенденция начала коренным образом меняться. Это вызвано ростом потребности в изучении пространственного контекста отношений для нужд социального проектирования в рамках разработки и реализации социальной политики, разработки комплексных программ развития территорий. Как реакция на запрос стали возникать методики картирования, существенно отличающиеся друг от друга не только по предмету и технологии исполнения, но и по заложенным в основу методологическим основаниям. Можно с полным основанием утверждать, что сегодня социальное картирование представляет собой группу методов как пространственно-графического, так и информационно-графического характера, объединенных одним объектом изучения: социальная реальность, особенно в тех своих проявлениях, которые могут быть визуализированы и графически отображены.

Если попробовать обобщить существующие сегодня подходы, то можно выделить несколько ключевых: социально-статистический, социально-антропологический, социально-сетевой и проектный. Оговоримся, что выделение данных подходов несколько условно, поскольку между ними нет четких границ, и используемые в них методы могут поддерживать друг друга в комплексных социальных исследованиях.

Социально-статистический подход обеспечивает наибольшую преемственность в традициях составления социальных карт. Данный подход формировался под значительным влиянием методологии проектирования и социально-экономического картирования регионов и территорий, широко используемого в экономической географии [Евтеев, 1999], и сегодня, пожалуй, наиболее широко используется при управлении социальной сферой. Создание карт здесь есть способ репрезентации количественных данных на основании официальной статистической информации и результатов социологических исследований, особенно когда требуется учет пространственных и социальных границ распространения того или иного явления.

В отличие от социально-экономического картирования, социальные карты содержат в себе комплексный многофакторный анализ какого-либо социального явления (например, бедности, социального капитала, социального участия, семейного благополучия на территории). Часто это требует создания комплекта карт или «многослойных» интерактивных карт (рис. 1, 2). Представляемый в рамках данного подхода материал позволяет рассматривать социальные ресурсы территории самостоятельно или как часть ресурсного потенциала территории и сообщества.

Так, например, социальная карта семейного неблагополучия может быть дополнена информацией или картой ресурсов сообщества, тем самым создав информационную основу профилактики социального сиротства [Организация... 2010].

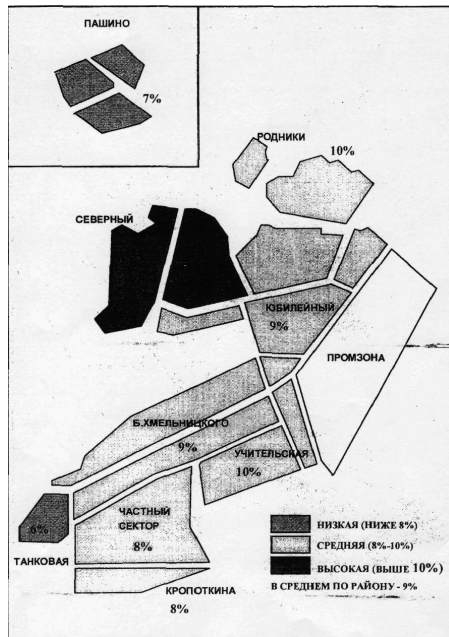

Рис. 1. Доля фактически безработных в Калининском районе г. Новосибирска, как часть комплекса карт характеризующих бедность [Вавилина, 2000]

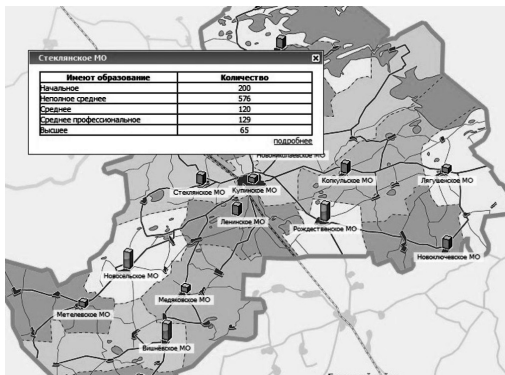

Рис. 2. Фрагмент карты социальной инфраструктуры в инвестиционном атласе Купинского района Новосибирской области [Дружинина и др., 2008]

Метод перспективен для анализа динамических характеристик, в частности для понимания влияния пространственно-временных изменений на конкретный контекст (к примеру, анализ пространственной динамики вооруженных конфликтов и насилия). Но, в случае принятия решений по оценке перспектив социальной инвестиционной политики, миграционной политики, картирование только социальных ресурсов территории не достаточно и карта может быть дополнена информацией экономического или социокультурного, а иногда и природно-климатического характера. Это позволит прогнозировать, комплексно оценивать потенциал территории в контексте развития местного сообщества, решения социальных проблем, удовлетворения каких-либо общественных потребностей [Дружинина и др., 2009].

Предметом социального картирования могут выступать не только социальные процессы, протекающие на территории, но и их субъективное восприятие. Данным методом может отображаться эмоциональное, социальное самочувствие населения или отдельных его категорий, социальные отношения.

По мнению Н. Д. Вавилиной, одной из разработчиц методики социального картографирования, изучавшей проблемы бедности в социально-пространственном контексте, полученная в результате исследований карта будет иметь двойную топологию. Во-первых, определяются географические границы социально значимых процессов, их сила и глубина в каждом из подлежащих изучению районов. Во-вторых, оценивается положение и конфигурация изучаемых явлений в социальном пространстве, ограничивая социальные слои и группы, выступающих в качестве носителей исследуемых процессов и явлений [Вавилина, 2000. С. 212].

Социальные карты могут использоваться и в инструментальных целях на начальном этапе исследований небольших по размеру социально-территориальных общностей. Она помогает осуществить социальное оценивание, относительное ранжирование отдельных элементов структуры поселения (например, по степени престижности, по социально-экономическим условиям жизни) для определения целевых групп, квотной выборки для дальнейших исследований, обеспечить мониторинг изменений благополучия или изменения критериев благополучия [Guijt, Woodhill, 2002. D-42].

Социально-антропологический подход только начинает привлекать к себе внимание исследователей и специалистов по социальному планированию. Само его появление, в противовес социально-статистическому картированию, вызвано потребностью в переосмыслении комплекса проблем, связанных с поселениями, и, в первую очередь, городами как социальными феноменами в эпоху постмодернизма. Город, как место повседневной практики, дает ценную информацию о связи макропроцессов

с текстурой и тканью человеческого опыта [Low Setha, 1996. С. 384]. Данный подход содержит в своей основе традиции этнографических исследований, визуальной антропологии, семиотики, урбанистики, по изучению и отображению образа города, его культурного пространства.

Социально-антропологический подход к картированию основан на понимании того, что в основе организации социального пространства любого вида поселений лежат не только объективные пространственно-информационные характеристики, но и особенности их восприятия. Сама организация пространства есть деятельность не только физическая, но и духовная. Поэтому при ее анализе необходим акцент на антропоцентрическом содержании, на субъективном компоненте пространственного измерения [Голомидова, 2001. С. 19], а создаваемые карты должны отображать субъектно-объектные отношения между индивидами и городской средой [Семенова, 2009. С. 68].

Карта города может строиться как на основе анализа индивидуальных образов городской среды, через выделение и осмысление ментальных карт (внутренне связанных и предсказуемых способов понимания окружающего мира) [Линч, 1982; Семенова, 2009; Попов, 2010], так и / или через нормативный анализ зон коллективного согласия – конвенциональных социальных образов города [Семенова, 2009. С. 73]. По мнению Кевина Линча, одного из первых разработчиков методики картирования городского пространства, такого рода групповые образы совершенно необходимы для того, чтобы индивид мог успешно функционировать в пределах своего окружения, вступая в эффективные контакты с себе подобными [Линч, 1982. С. 50].

Сегодня социальное картирование индивидуальных и групповых образов, т. н. ментальных карт, используют для выявления знаний, представлений и отношения жителей к месту при анализе городских и сельских сообществ и поселений, пространственных аспектов социальных отношений, этнических анклавов, специфических социальных групп. Соответственно, может использоваться индивидуальное и групповое картирование. Первое – часть глубинного интервью жителя. Второе – продукт работы малой группы с «чистого листа», с помощью простых инструментов и материалов (бумага, карандаши, мел), создает визуальное представление о месте (рис. 3). Наблюдения за коммуникациями в группе: комментариями по поводу отбора и нанесения объектов или событий на карту, поведением и отношениями в группе является частью исследовательского процесса. Карты позволяют вскрыть проблемы организации и качества жизненного пространства, становясь отправной точкой понимания, обсуждения проблем, обеспечивая индивиду возможность адаптироваться.

С ростом интереса к такому типу карт теряет актуальность картографическая грамотность. Становится не существенным соответствие

масштабу и качеству отображения, символика не носит устоявшегося характера, а может создаваться индивидом или группой индивидов конвенциональным путем по мере создания карты, и ее понимание может стать отдельной задачей исследования. По мнению специалиста в области неогеографии Д.-Э. Эйздор, это не означает, что такая практика не использует картографических / географических знаний, но они просто не соответствуют протоколам профессиональной практики [Eisnor, 2008].

Рис. 3. Социальная карта местного сообщества, изображенная группой жителей. Филиппины [Social mapping... 2008]

В условиях развития социальных сетей и их исследований, наблюдается рост интереса к социальному картированию и в рамках социально-сетевых подходов. Карты сетей как отображение различных форм социальных связей (к примеру, ритуального дарообмена, экономически значимого обмена – торговли) между группами, популяциями, племенами, государствами использовались географами, антропологами давно, но только сегодня метод сетевого картирования приобрел огромный размах. В настоящее время, наряду с сетевыми диаграммами, они активно используются как для пространственно-графического, так и информационно-графического отображения социальных связей и социальных сетей, через репрезентацию атрибутивных и реляционных данных. Пространственный фактор (пространственное распределение, пространственная изоляция) может учитываться при анализе социальных отношений через наложение сетевых диаграмм

на географическую карту, а может и не учитываться, как, к примеру, на карте визуализирующей изменение в Твиттере сети участников конференции до и после события на рис. 4 [Twitter network... 2011]. В этом случае социальные карты представляют собой диаграммы сетей: отношений и связей индивидов и групп без привязки к географическому пространству [Sutcliffe, 2008. P. 235].

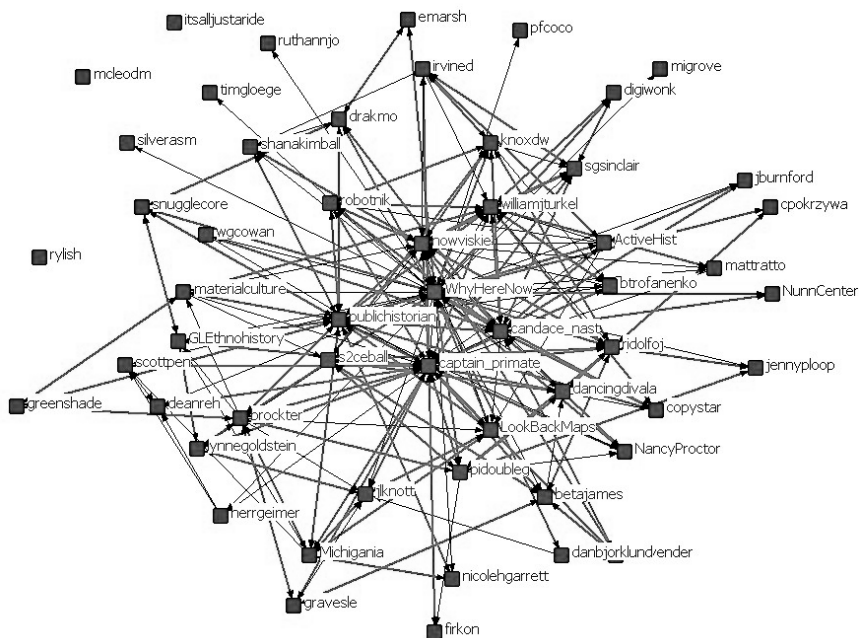

Рис. 4. Социальная карта сети участников конференции. Твиттер [Twitter network... 2011]

В обоих случаях исследователями социальных сетей решается целый ряд задач: поиск связей, различий, обратных связей между отдельными лицами, группами, между людьми и территорией; сравнение отдельных лиц, групп и отношений в географическом контексте, сравнение между территориями или регионами. В негеографических контекстах – между группами лиц анализируются тенденции, связанные с анализом временных изменений, а в географическом контексте и с пространственными характеристиками – площади и расстояния [Sutcliffe, 2008. P. 230–231]. Пример использования данного метода – картирование социальных сетей наркозависимых и других групп риска, для описания их социальных и поведенческих характеристик с целью оценки распространенности ВИЧ

[Mapping and situation assessment... 2008], картирование социальной сети ребенка при оценке степени посттравматического стресса, эмоционального и социального благополучия [Canali, Vecchiato, 2010].

Наложение социальных сетей на карты способствует пониманию того, как расстояние влияет на отношения, характер их формирования и поддержания. Но при сочетании карты и диаграмм для одновременной репрезентации социального и пространственного распределения отношений наряду с информативностью растет и сложность карты для чтения. Попытки хотя бы частично преодолеть данную проблему стимулируют развитие социального картирования в интерактивном пространстве.

В настоящее время основным пространством для развития социального картирования в профессиональной и непрофессиональной сферах становится Интернет-пространство. Стремительную популярность сегодня приобретает и создание личных социальных карт, актуализируя тем самым, коммуникативную, рефлексивную и адаптивную функцию социальных карт, а также формируя пространство для будущих социальных исследований, посвященных характеру социальных связей, формирующихся сообществ за счет возникновения нового массива эмпирической информации – социальных карт, построенных и выложенных в сеть пользователями Интернет.

В условиях всеобщего распространения проектно-целевого подхода к планированию и оценки перспектив и эффективности реализуемой социальной политики, вложения государственных и корпоративных социальных инвестиций, наблюдается все большая востребованность социальных карт в контексте планирования, мониторинга и оценки социальных и комплексных программ и проектов. Хотя собственно использование карт в социальном проектировании строится на методологии и методиках рассмотренных выше подходов, тем не менее, представляется целесообразным выделить данный подход как самостоятельный, так как в процессе проектирования происходит модернизация методик в связи с их использованием при разработке, сопровождении и управлении программами и проектами. Здесь социальное картирование является методом систематизации, аудита потребностей жителей и имеющихся на территории проблем и ресурсов, а поэтому предполагает анализ не только социального контекста (демографического, исторического, этнокультурного, религиозного), но и выход за его пределы в более широкий географический, социально-экономический, правовой контекст.

Карты территории изображаются респондентами в ходе индивидуальных интервью и фокус-групп в ответ на структурированные последовательно задаваемые вопросы исследователями и проектировщиками. Это дает возможность оценки потенциала территории и сообщества, разработки альтернативного сценария развития социального пространства [Vajjhala, 2006]. В рамках подхода наблюдается дифференциация функций и задач карто-

вания. Возрастает актуальность динамических характеристик карт, фиксации состояния объекта на предпроектном и постпроектных этапах.

Одной из наиболее показательных методик социального картирования проектного типа является методика культурного картирования – составление карты культурных и творческих ресурсов территории для оценки потенциала творческого сектора, определения его возможностей и потребностей [Зеленцова, 2010]. Несмотря на декларируемый «секторальный» характер культурного картирования, оно, по сути, таковым не является, поскольку направлено на стимулирование социального, социально-экономического развития территории через формирование имиджа и территориальной привлекательности. Оно включает в себя также аудит ресурсов и потребностей территории, но с помощью анализа материального и субъектного поля культуры (resource mapping), а также анализ нематериального символического пространства (identity mapping) [Попов, 2010. С. 80].

При сочетании социально-антропологического и проектного подходов возникло принципиально новое понимание места и роли социальных карт в осмыслении социальных процессов, происходящих на территории. Сам процесс производства карты стал быть более значимым, чем результаты картирования, поскольку карта может не только фиксировать состояние объекта на определенный момент, но и сама становится инструментом проектирования. Создателями карт в данном случае становятся представители сообщества, как носители уникальных знаний и представлений о территории. Важна не столько информация о территории, сколько взгляд разработчиков карты на ситуацию на территории, понимание ими проблем, препятствий и ресурсов для развития территории, что позволяет оценить возможности мобилизации местных ресурсов и путей вовлечения населения в деятельность по развитию территории. Главное достоинство таких карт заключается в том, что они обеспечивают «вид снизу», а не «сверху вниз» на проблемы территории. Карта становится инструментом коммуникации жителей и разработчиков, общественных деятелей по предотвращению и противостоянию развивающихся негативных тенденций [McConchie, 2008. P. 38], создает предпосылки для интеллектуального вмешательства с целью стимулирования роста и развития территории.

Современное социальное картирование вышло далеко за границы традиционного построения социально-экономических карт и распространяется за пределы исследовательской и проектной сфер, профессиональной деятельности в целом. Из всех видов картографии оно претерпело, пожалуй, наиболее сильную дифференциацию во всех своих компонентах: целях, субъектах, потребителях и функциях картирования, методологии и методах сбора и репрезентации информации. Сам термин «социальное картирование» все чаще используется в разных контекстах,

иногда вне пространственного или графического отображения реальности, к примеру, как синоним последовательного описания какого-либо социального явления не только как подвид пространственно-графического, но и информационно-графического.

Вместе с тем активное использование данного метода не «растворило» его среди непрерывно возникающих новых методов и методиках анализа социальной реальности, но благодаря все большей потребности в визуализации социальной информации, особенно социально-пространственного характера, обогатило новыми подходами к использованию.

Если обобщить практику разработки и использования социальных карт, то о картировании как методе исследования можно говорить как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле, социальное картирование – это обобщенное название нескольких методов, относящихся как к категориям пространственно-графических, так и информационно-графических методам отображения информации. Иногда под социальным картированием понимают комплексное исследование с использованием различных групп методов анализа информации. Они могут использоваться в социально-пространственных исследованиях для анализа социальных процессов и социальных сообществ в контексте устойчивого развития и повышения качества жизни с учетом факторов экономического, природного-климатического характера. Социальная карта будет итоговым продуктом, позволяющим прогнозировать изменение социально-пространственных процессов.

В узком смысле, социальное картирование – инструмент социального исследования, который может быть применен на определенном этапе для решения одной или нескольких задач. В данном случае оно часто подкрепляется пилотными социальным и социально-историческими обследованиями территории, анализом документов, паспортизацией, ранжированием выделенных социальных групп. В процессе диагностики проблем и ресурсов сообщества, выделенных социальных групп, потенциала и культуры общественного участия членов сообщества, источником информации может стать не только социальная карта, но и процедура картирования.

Но в каком бы варианте не использовалась социальная карта, какие бы типы данных не содержала, она должна соответствовать непременным требованиям к ее визуализации, сформулированными Кевинном Линчем: быть читаемой, чтобы экономить интеллектуальные усилия; надежной, то есть содержать некоторую избыточность «ключей», чтобы облегчить различные действия и свести к минимуму риск ошибки; обладать открытостью, способностью вместить в себя изменения, давая возможность продолжать исследование и упорядочивать действительность [Линч, 1982. С. 21]. Если требования к карте будут соблюдены, социальная карта, в сочетании с другими методами, мо-

жет стать действенным и гибким инструментом анализа и воздействия на социально-территориальное пространство, как в исследовательской, так и прикладной сферах.

Список литературы

Вавилина Н. Д. Бедность в России как социальное явление и социальная проблема. Новосибирск: СибАГС, 2000.

Володченко А. e-LEXIKON. Картосемиотика. Дрезден, 2009 // URL: http://meta-carto-semiotics.org/uploads/mcs_vol2_2009/wolodtschenko_eLexikon2009.pdf.

Голомидова М. В. Образ пространства и протранственные образы в названиях старого Екатеринбурга // Известия Урал. гос. ун-та. 2001. № 20. С. 19–25.

ГОСТ Р 52438–2005 Географические информационные системы. Термины и определения. М.: Стандартинформ, 2006.

Дружинина Ю. В., Серебрянникова О. В., Скалабан И. А. Социальное картирование как ресурс развития территории и повышения качества жизни: методологический аспект // Качество жизни населения в России и ее регионах. Новосибирск: НГТУ, 2009. С. 33–53.

Дружинина Ю. В., Серебрянникова О. В., Скалабан И. А. Социальное картирование территории и территориального сообщества: концепция, алгоритм, методика: отчет о выполнении инфраструктурного проекта «Социальное картирование» региональной программы «Территория развития». Новосибирск, 2008. [Рукопись.]

Евтеев О. А. Проектирование и составление социально-экономических карт. М.: МГУ, 1999.

Замятин Д. Н. Географические образы мирового развития // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 125–137.

Зеленцова Е. Креативные индустрии. Зарубежный опыт прикладных исследований // URL: http://www.isiksp.ru/actions/actions_our_konf_zelencova.html.

Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982.

Нанси Ж.-Л. Corpus. М.: Ad Marginem, 1999.

Организация системы работы с семьей в области профилактики социального сиротства на территории муниципального образования / Л. А. Осьмук, И. В. Жданова, И. В. Раратюк, И. А. Скалабан и др. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010.

Попов А. В. Роль культуры в формировании имиджа территорий: к вопросу о технологии культурного картирования и планирования // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Имидж страны / региона как стратегия интеграции России и АТР в XXI в.». Улан-Удэ: ВСГТУ, 2010. С. 78–81.

Семенова В. Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу // Визуальная антропология: городские карты памяти. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2009. С. 67–81.

Ярская-Смирнова Е. П., Романов П. В. «Город затейный...» Калейдоскопическое жизненное пространство // Визуальная антропология: городские карты. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2009. С. 7–14.

Addams J. Hull House Maps and Papers. N. Y.: Thomas Y. Crowell & Co., 1895. P. 3–23.

Canali C., Vecchiato L. Mapping the life space of children living in multi-problem families // IJCFW. 2010. Vol. 13. № 1–2. P. 68.

Charles Booth online archive. Poverty maps of London. 2002 // URL: <http://booth.lse.ac.uk/static/a/4.html#v>.

Deliberative mapping: appraising options for addressing ‘the kidney gap’. Final report, submitted under the welcome trust’s programmer for novel methods in public consultation (2000–2003) / G. Davies, J. Burgess, M. Eames, S. Mayer, K. Staley, A. Stirling, S. Williamson // *Deliberative mapping*. 2003. October.

Eisnor D. What is neogeography anyway? 2006. May 27 // URL: http://platial.typepad.com/news/2006/05/what_is_neogeog.html.

Guijt I., Woodhill J. Managing for impact in rural development: A guide for project. M & E. Rome, Italy: International Fund for Agricultural Development, 2002.

Korzybski A. Science and Sanity: a introduction to non-aristotelian systems and general semantics. Lakeville, Conn.: International Non-aristotelian Library Publishing Co., 1958.

Low Setha M. The Anthropology of cities: imagining and theorizing the city // *Annual Reviews Anthropology*. 1996. P. 383–409.

Mapping and situation assessment of key populations at high risk of HIV in three cities of Afghanistan. SAR AIDS Human Development Sector. South Asia Region. The World Bank. 2008. April. Report № 23.

McConchie A. Lowe Mapping Mashups: Participation, Collaboration and Critique on the World Wide Web. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of master of science in the faculty of graduate studies (geography) the university of British Columbia (Vancouver), 2008. October.

Mapping national capacity to engage in health promotion: overview of issues and approaches / M. Mittelmark, M. Wise, E. Woo Nam, C. Santos-Burgoa, E. Fosse, H. Saan, H. Spencer, K. Cho Tang // Health promotion international. 2006. Vol. 21. № 1. December. P. 91–98.

Sutcliffe A. A Design framework for mapping social relationships // *PsychNology Journal*. 2008. Vol. 6. № 3. P. 225–246.

Trochim W., Kane M. Concept mapping: an introduction to structured conceptualization in health care // *International Journal for Quality in Health Care*. 2005. Vol. 17, № 3. P. 187–191.

Twitter network visualization to measure events // URL: <http://blog.jumprslide.com> or 10.05.11

Vajjhala Sh. “Ground Truthing” Policy: Using Participatory Map-Making to Connect Citizens and Decision Makers. Summer, 2006 // URL: http://www.rff.org/focus_areas/features/Pages/Participatory-map-making.aspx.

Vajjhala Sh. Mapping Alternatives: Facilitating citizen participation in development planning and environmental decision making. THESIS Submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of: Doctor of Philosophy. Pittsburgh: PA, July. 2005.

Ирина Анатольевна Скалабан

канд. ист. наук, доцент кафедры социальной работы и социальной антропологии
Новосибирского государственного технического университета
электронный адрес: skalaban@ngs.ru
